

К описанию распределения двух форм аориста в абазинских нарративах

Пётр Михайлович Аркадьев, Институт славяноведения РАН/РГГУ

Евгения Сергеевна Клягина, Институт языкознания РАН/НИУ ВШЭ

{alpgurev, eklyagina}@gmail.com

Известно, что использование финитных и нефинитных глагольных форм при кодировании последовательных событий в нарративе может быть связано с такими параметрами, как границы эпизодов, тождество vs. смена протагониста, причинно-следственная связь между событиями, принадлежность их к одному «сценарию» [Кибрик 2008, Kibrik 2013]. В настоящей работе мы пытаемся применить эти параметры к распределению двух глагольных форм в абазинском языке (западнокавказская семья, Карачаево-Черкесия), интересных, среди прочего, тем, что обе они являются финитными.

Формы, о которых идёт речь, в литературе [Чкадуа 1970, Табулова 1976, Клягина 2018] называются, соответственно, «прошедшим результативным» или «аористом» и «прошедшим незаконченным/неопределённым» или «претеритом». Ни одна из этих форм не имеет специализированного показателя; формы аориста оканчиваются суффиксом декларатива (DCL) *-t/d*, а формы претерита — суффиксом ретроспективного сдвига (RS) *-n* (поэтому его также можно назвать «ретро-аористом»); оба эти показателя встречаются и в других видо-временных формах, и при этом отсутствуют в нефинитной парадигме.

Аорист описывает предельные (1) и непредельные (2) законченные ситуации в прошлом, а также служит основным временем в нарративе. Претерит, в основном, маркирует не последние члены цепочки последовательных событий в прошлом (3), хотя и может использоваться независимо в значении отменённого результата (4).

Согласно данным литературы и элицитации, предложения, описывающие последовательность событий в прошлом, обычно имеют следующую структуру: претерит (+ претерит + ... + претерит) + аорист. Цель нашего исследования — изучить функционирование и возможное распределение этих форм в спонтанных нарративах. Для этого мы записали четыре абазинских пересказа фильма «Груши» [Chafe 1980] (355 клауз) и взяли четыре текста из корпуса устных нарративов, собранных в ходе экспедиций НИУ ВШЭ и РГГУ в 2017–2018 гг. (423 клаузы, всего 778). Эти восемь текстов мы разбили на клаузы и разметили темпоральные отношения между последовательными клаузами, а также их морфосинтаксические характеристики (финитная /нефинитная, видо-временная форма, тип конструкции).

Наш анализ позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, формы аориста обычно (но не обязательно) маркируют конец эпизода, события внутри которого маркируются претеритом и связаны как причина и следствие (5) или как элементы определённого сценария (6). При этом сколько-нибудь длинные цепочки такого рода в нашем материале встречаются редко и не у всех рассказчиков; те же самые отношения между событиями могут кодироваться и формами аориста (7). Во-вторых, форма претерита систематически используется как средство tail-head linkage [Guillaume 2011], повторяя в начале следующей цепочки клауз глагольную форму аориста, завершающую предшествующую цепочку (8). В-третьих, субъект (актор) формы претерита не обязан совпадать с таковым следующей формы в цепочке, а сама эта последняя может не быть аористом (8).

Несмотря на пилотный характер нашего исследования и небольшой объём материала, мы приходим к предварительному выводу о том, что употребление финитных (по крайней мере, с морфологической точки зрения) глагольных форм в нарративе может управляться той же группой факторов, что и распределение финитных форм и несомненных конвербов.

(1) *sara a-qəš* *ʕa-s-ʔə-ʔ*
1SG DEF-окно CSL-1SG.ERG-открывать(AOR)-DCL

‘Я открыл(а) окно.’ (данные элицитации)

(2) *sara awəra-ta a-pšca a-pnə s-qʷmar-ʔ*
1SG долгий-ADV DEF-двор 3SG.N.IO-возле 1SG.ABS-играть(AOR)-DCL

‘Я долго играл(а) на площадке.’ (данные элицитации)

- (3) *awəj d-ʕa-gələ-n, ʕə-j-ʒʒa-n,*
 DEM 3SG.H.ABS-CSL-стоять-RS RFL.ABS-3SG.M.ERG-мыть-RS
d-ʕ'a-n jə.g'əj a-nxarta d-ca-ʔ
 3SG.H.ABS-есть-RS и DEF-работа 3SG.H.ABS-идти(AOR)-DCL
 ‘Он встал, умылся, поел и пошёл на работу.’ (данные элицитации)
- (4) *səwlʔan d-ʕa-j-n/*d-ʕa-j-ʔ*
 Султан 3SG.H.ABS-CSL-прийти-RS/*3SG.H.ABS-CSL-прийти(AOR)-DCL
 ‘Султан пришел [но не дождался тебя и ушел].’ (данные элицитации)
- (5) *háq^{wə}-k d-a-qa-pá-n*
 камень-INDF 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-LOC-прыгать-RS
a-martán-g'əj j-vilosiped-g'əj jar-g'əj a-qə-št-d
 DEF-корзина-ADD 3SG.M.IO-велосипед-ADD он-ADD 3SG.N.IO-LOC.ELAT-падать.ELAT-DCL
 ‘Он наехал на камень, и корзина, велосипед и он сам упали.’
- (6) *jə-š'tá-šš-d d-ʕa-ʕa-d-rə-sə-n*
 3PL.ABS+3SG.M.IO-LOC-свистеть-DCL 3SG.H.ABS-CSL-LOC-3PL.ERG-CAUS-остановиться-RS
awá a-sambbrero-g'əj jə-r-t-xə-n
 DED DEF-сомбреро-ADD 3M.IO-3PL.ERG-давать-RE-RS
zaq-zaq há-g'əj ʕa-tə-j-xə-n
 один-один груша-ADD CSL-LOC.ELAT-3M.ERG-брат-RS
á-č'k^{wən} x^{wə}č-k a-ʕ^{wə}-[ʒ]-g'əj j-rə-j-t-d
 DEF-парень-малый-INDF DEF-два-CLH-ADD 3N.ABS-3PL.IO-3M.ERG-давать-DCL
 ‘Они ему свистнули, остановили его, это сомбреро ему отдали, он взял по одной груше и двоим парням отдал.’
- (7) *d-rə-ma.rəcha.ʕa-d, j-klát ʕa-də-r-gəl-d,*
 3SG.H.ABS-3PL.ERG-пожалеть-DCL 3SG.M.IO-корзина CSL-3PL.ERG-CAUS-стоять-DCL
a-ha-k^{wə}a-g'əj j-zá-ʕa-r-q^{wə}ša-x-d
 DEF-груша-PL-ADD 3SG.M.IO-BEN-CSL-3PL.ERG-собрать-RE-DCL
 ‘Они пожалели его, поставили его корзину, собрали груши...’
- (8) *adg'əl á-pnə jə-k^{wə}-jə-r-þla-d*
 DEF+земля 3SG.N.IO-возле 3PL.ABS-LOC-3SG.M.ERG-CAUS-сыпаться-DCL
jə-k^{wə}-r-þla-n
 3PL.ABS-LOC-[3M.ERG-]CAUS-сыпаться-RS
awəj a-ɫaxán x-[ʕ^{wə}]ə-č'k^{wən}-ča ʕa-mʕ^{wə}ajs-əj-d
 DEM DEF-время три-CLH-парень-PLH CSL-путешествовать-PRS-DCL
 ‘...он груши все по земле раскидал. Раскидал, а в это время идут трое ребят.’

Сокращения:

ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CLH — личный классификатор; CSL — цислокатив; DCL — декларатив; DEF — определенность; DEM — указательное местоимение; ELAT — элатив; ERG — эргатив; H — класс людей; INDF — неопределённость; IO — не прямой объект; LOC — локативный преверб; M — мужской род; N — неличный род; PL — множественное число; PLH — личное множественное число; PRS — настоящее время; RE — рефактив; RFL — рефлексив; RS — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература:

- Кибрик А.А. 2008. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка) // В.Ю. Гусев, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.), *Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, с. 99–134.
- Клягина Е.С. 2018. *Система прошедших времён в абхазо-адыгских языках*. Дипломная работа, Институт лингвистики РГГУ.
- Табулова Н.Т. 1976. *Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология*. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства.
- Чкадуа Л.П. 1970. *Система времён и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах*. Тбилиси: Мецниереба.

- Chafe W. ed. 1980. *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. Norwood, NJ: Ablex.
- Guillaume A. 2011. Subordinate clauses, switch-reference, and tail-head linkage in Cavineña narratives. In: R. van Gijn, K. Haude & P. Muysken (eds.), *Subordination in Native South American Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, pp. 109–140.
- Kibrik A.A. 2013. Discourse semantics and the form of the verb predicate in Karachay-Balkar. A corpus-based and experimental study. In: B. Bickel, L.A. Grenoble, D.A. Peterson & A. Timberlake (eds.), *Language Typology and Historical Contingency. In Honor of Johanna Nichols*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, pp. 3–46.